

Библиографический список

1. Результаты введения электронного правосудия в Беларуси: 6500: резолютивных частей решений и 450 обращений в суды // портал «Система Юрист» [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://jurist.by/statia/rezultaty-vvedeniya-elektronnogo-pravosudiya-v-belarusi-6500-rezolyutivnyh-chastej-reshenij-i-450-obraschenij-v-sudy?utm_source=distribution&utm_medium=email&utm_campaign=news. – Дата доступа: 23.10.2018.

2. Василькова, С. В. О некоторых доктринальных и практических проблемах электронного правосудия в государственных судах и направлениях их решения / С. В. Василькова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. – 2017. – № 7. – С. 64–68.

3. Романенкова, С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран / С. В. Романенкова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 4. – С. 26–31.

Николайченко О. В.

ЦЕННОСТНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДОГОВОРНОЙ ПОДСУДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЕ И РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
ул. Вольская, 1, 410056 Саратов, Россия, olga-nikolajchenko@yandex.ru

В условиях усложнения современного правового регулирования общественных отношений можно наблюдать две противоречивых тенденции. Первая – «жесткая» регламентированность процедур разрешения гражданско-правовых споров с последующей минимизацией субъективизма, с другой стороны, это «лояльность» права, его неограниченные возможности в удовлетворении потребностей гражданина, в частности, при соглашении сторон об определении подсудности юридического дела, широко известного в юридической науке как пророгация или пророгационный договор [1, с. 398].

Процессуальное законодательство современного периода отходит от излишних ограничений в отношении субъектов, которые достигли единодушия без вмешательства нормативных установлений. И это целесообразно, учитывая, что основой регулирования частных отношений является принцип свободы договора, в соответствии с которым каждое лицо свободно в выборе сторон и условий договора. Можно с уверенностью сказать, что этот принцип рецептирован в процессуальном праве, где стороны материальных отношений, будучи информированными, вольны выбирать тот судебный орган, разрешение спора в котором будет наиболее удобным для них.

Предоставляя некоторую вольность в выборе судебного органа, обязанного осуществить судебную защиту нарушенного права, законодатель руководствуется не только соображениями некой отстраненности от правового регулирования «частных» отношений, но и в последующем благом большинства. В психологии уже давно подмечено, что под влиянием внешних факторов окружающей среды происходит воспитание человека. Так, предоставлением конкретным субъектам права некой свободы в определении условий договора, сроков, порядка его исполнения в дальнейшем повышается уровень правовой культуры человека, расширяется его мировоззрение, которое не сводится лишь только к тому, чтобы действовать в определенных правовых рамках и по принуждению. Заключением договора с другим индивидом (не будем его называть пока субъектом права) формируется вера, убеждение в его (договоре) исполнимости, ценностные ориентации. Безусловно, набор субъективных ценностей у каждого свой, но самостоятельность каждого возможна исключительно в обществе. В связи с этим законодатель при помощи некоторой лояльности права формирует в каждом его правовую культуру посредством так называемого внешнего механизма воспитания. Однако нельзя полагать, что некая законодательная свобода находится вне поля правового принуждения.

Приведем яркий пример из весьма распространенной правоприменительной практики. Гражданин обратился в суд с иском к застройщику с требованием о взыскании неустойки и о признании пунктов договора участия в долевом строительстве недействительными. Рассматривая заявленное требование, суд отметил, что «указание в договоре о подсудности дела по месту нахождения застройщика не создает определенности в вопросе принятого сторонами соглашения о территориальной подсудности рассмотрения споров в конкретном суде, воля сторон на изменение территориальной подсудности споров в вышеназванном договоре отсутствует, так как договор не содержит конкретных указаний на полное наименование суда, ни адреса суда, в котором будут рассмотрены споры между сторонами договора. При включении такого условия в кредитный договор застройщик ограничил права потребителя в возможности защиты своих прав и интересов» [2].

Из приведенного примера можно сделать следующие выводы.

1. Гражданско-правовые споры – проявление сложных социально-экономических процессов, которые препятствуют их развитию. Разрешая гражданское дело, суд выступает как регулятор этих процессов, учитывая интересы не только сугубо индивидуальные, но и общественные. Так, отказывая в признании условий заключенного договора по причине его неопределенности, суд защищает интересы слабой стороны, которая оказалась в невыгодном для нее же положении.

2. Учитывая тот факт, что сторонами в процессе могут быть не только граждане, но и юридические лица, ценность судебной юрисдикции усиливается. Навязывание условий некоего заранее подготовленного шаблонного договора одной стороной материальных правоотношений при

определенных условиях не порождает юридически значимых последствий для другой, даже при его заключении (если сторона оказалась впоследствии недееспособной или нарушена, например, свобода волеизъявления). Вмешательство суда в некие сугубо договорные отношения сторон формирует уважительное отношение к закону, воспитывает юридическую культуру у субъектов права в дальнейшем.

3. Свобода в праве не является безграничной. Право – это своеобразный страж, который устраняет неясность, спорность в правоотношении.

4. Письменная форма договорных отношений является обязательной, что предопределяет и исполнимость достигнутых сторонами договоренностей, и возможность постороннего вмешательства в договорные отношения.

5. Неурегулированными, относительно договорной подсудности, являются вопросы, связанные со степенью конкретизации судебного органа. И здесь некая правовая «раздвоенность» соглашения о подсудности, его принадлежности к материальному или процессуальному не выполняет положительной функции. В условиях усложнения современного правового регулирования современная наука настоятельно требует переосмысления традиционных постулатов с точки зрения их комплексности и системности по отношению к другим отраслям российского права. В цивилистике уже заложено новое направление – учение о межотраслевых связях [3, с. 17]. Так, М. Ю. Челышев задал «новый тон» научным исследованиям современности, цель которых уже не выработка новых понятий и признаков, а всемерное применение системного подхода, позволяющего сделать акцент на анализе целостных, интегративных свойств объекта, выявлении его внешних связей, структуры, функций [4, с. 93].

В настоящее время основной массив правовых норм, отражающих процедуру рассмотрения и разрешения гражданских дел, находится в гражданском процессуальном законодательстве России. В то же время ученые признают, что изучение соотношения гражданского материального и процессуального права, помимо чисто гносеологического, имеет важное практическое значение, так как позволяет лучше видеть основные грани соприкосновения и гармонического взаимодействия этих отраслей права, благодаря чему создается возможность научного подхода к решению целого ряда проблем [5] и повышается нравственная ценность права. Лишь в рамках системы права отдельные гражданские процессуальные нормы получают свою реализацию. Во взаимосвязи с иными нормами российского права (нами была продемонстрирована такая связь на примере) гражданские процессуальные нормы обеспечивают реализацию задач гражданского судопроизводства судом.

Библиографический список

1. Осокина, Г. Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть : учеб. пособие / Г. Л. Осокина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 616 с.

2. Решение Подольского городского суда Московской области № 2-3791/2016 2-3791/2016~М-3041/2016 М-3041/2016 от 30 мая 2016 г. по делу № 2-3791/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – 2018. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/>. – Дата доступа: 08.10.2018.

3. Чельшев, М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М. Ю. Чельшев. – Казань, 2009. – 40 с.

4. Фокина, М. А. Гражданская процессуальная политика: понятие и приоритеты / М. А. Фокина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2002. – № 2. – С. 91–105.

5. Комиссаров, К. И. Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданско-процессуального права / К. И. Комиссаров // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В. В. Яркова. – Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. – С. 145–152.

Перерва И. В.

ПРОБЛЕМА АРБИТРАБЕЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, iac@cci.by

Термин «арбитрабельность» («arbitrability») традиционно означает допустимость спора в качестве объекта арбитражного разбирательства, отражает сложное правовое явление, находящееся на стыке договорного и процессуального права, частных и публичных интересов и составляющее часть публичного порядка государства.

Дефиниция арбитражного соглашения, содержащаяся в п. 1 ст. II Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк, 1958 г.) (далее – Нью-Йоркская конвенция), содержит прямое указание на то, что объект договорного или иного правоотношения, из или в связи с которым между сторонами возник или может возникнуть спор, должен быть предметом арбитражного разбирательства.

Что же касается самого понятия арбитрабельности, то на международно-правовом уровне не удалось сформулировать единый стандарт. Каждое государство, руководствуясь категориями публичного порядка, определяет, какие споры могут быть разрешены в рамках арбитражного (третейского) разбирательства.

Соответственно, поскольку в различных государствах степень участия государства в частноправовых отношениях является различной, один и тот же предмет спора может быть признан арбитрабельным в одном государстве и неарбитрабельным в другом.